

SOME FEATURES OF CULTURAL-ENLIGHTENMENT WORK IN WORKERS AND PEASANTS' RED ARMY DURING SOVIET-FINISH WAR

Andrei Viktorovich Makedonskii, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of History, Philosophy and Sociology
Moscow State Academy of Communal Services and Construction
siu1104@yandex.ru

The author reveals the peculiarities of cultural-enlightenment work in Workers and Peasants' Red Army during Soviet-Finnish war in 1939-1940 and shows the features of this kind of ideological work in relation to the conditions and nature of battle actions at the northern-western borders of our country.

Key words and phrases: Soviet-Finnish war; Red Army; cultural-enlightenment work; cultural-enlightenment work institutions; battle readiness.

УДК 101.2+111+929

В данной статье рассматривается одна из центральных проблем творчества Ницше – его проект преодоления метафизики. Уточняются направления критики, а также выявляются стратегии нового мышления, включая характерные черты нового стиля философского письма.

Ключевые слова и фразы: преодоление метафизики; Ницше; постметафизическое мышление; переоценка ценностей; стиль философии.

Светлана Михайловна Малкина, к. филос. н., доцент
Кафедра теоретической и социальной философии
Научный исследовательский Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
MalkinaSM@rambler.ru

ФРИДРИХ НИЦШЕ И ПРОБЛЕМА ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕТАФИЗИКИ[©]

Критическим отношением к метафизике как к сущностной форме предшествующей философии в целом пронизаны так или иначе все работы Ницше. Однако особенно многоплановой эта критика становится в «Воле к власти». Здесь под прицелом находится уже не система того или иного мыслителя прошлого, но метафизическое ядро философии в целом. Николай Орбел говорит о следующих чертах метафизического мышления, о необходимости преодоления которого заявляет Ницше: 1) мышление мира через субъективность, «Я»; 2) введение идеи Бога как высшего обосновывающего принципа; 3) выстраивание мира в упорядоченную причинно-следственную систему; 4) ценностное мышление [10, с. 710]. Ницше критикует метафизику, онто-теологические предрассудки которой приводят, по его словам, к тому, что «у философов существует предубеждение *против* иллюзорности, изменчивости, страдания, смерти, телесности, чувств, рока и необходимости, против бесцельного» [6, с. 236]. Рассмотрим здесь пять основных моментов, на которых фокусируется критическая мысль Ницше.

Во-первых, с точки зрения Ницше, неоправданны претензии философии на «вечный» характер как ее «истин», так и форм их выражения. Философия стремится преодолеть то, что мыслится ею как несовместимое со статусом знания, ее интересуют только вечные истины, в погоне за которыми она трансцендирует видимый мир. Объектом критики Ницше становится догматичность данной установки, где главной проблемой является противоречие философии самой себе: с одной стороны, она пытается добиться абсолютной рациональности, с другой – опирается для этого на интуицию и веру.

Во-вторых, философия, подозревая чувственность в недостаточной достоверности, излишне полагается на понятия как незыблемые основания мышления. Проблема здесь, с точки зрения Ницше, не только в том, что понятия вообще не могут быть адекватны миру становления, но и в том, что философы в довершение ко всему пользуются плохими понятиями, унаследованными от тех времен, когда мысль еще «была непритязательна». Задача философа – отпустить понятия в их становление, позволить им исторически изменяться: философы «не могут уже больше пользоваться готовыми понятиями, не могут только очищать и выяснять их, но должны сначала *создать, сотворить* их, установить их и убедить в них» [Там же].

В-третьих, Ницше говорит о стремлении метафизической философии преодолеть иллюзорность. Действительно, еще в античности возникает различие «кажущегося», того, что существует «по мнению» (*doxa*), и истинно-существующего, которое и составляет предмет знания (*episteme*). Истинное же мыслится при этом как неразрывно связанное с логическим. Ницше стремится показать: как раз то, что логическое, «истинное», – это и есть главная иллюзия. В тех понятиях, на которых строится метафизика, – субстанция, форма, род, идея и т.д. – допускается одна и та же ошибка: фикции приписывается реальность, происходит *онтологизация логического*.

Ницше вовсе не предлагает избегать логического и понятийного во всех их формах и превратить философию в пространство иррационально-интуитивного, более того – мышление в понятиях является для философа необходимостью, поскольку только это и делает мир понятным. Напротив, Ницше требует от философии честности и строгости мысли, а это означает, что фикции надо признавать фикциями, даже если веками к ним привыкли относиться как к неизбежной реальности. Провозглашение Ницше начала эпохи философа-художника вовсе не означает, что можно говорить все, что угодно. Образный не-понятийный язык Ницше является, напротив, шагом вперед в сторону большей точности, выражающейся в попытке достигнуть единства мысли и жизни.

В-четвертых, метафизическая философия постоянно дискредитирует аффекты, смерть и телесность. Помимо того, что все эти факторы оказываются противостоящими логическому, идеям, а потому уже в силу этого заслуживают осуждения, все они являются сильными источниками страданий, которые человек стремится избежать. Таким образом, за стремлением к истине и счастью как спокойствию души, по Ницше, стоит... трусость. Поэтому «*философски-объективный* взгляд на вещи может... служить признаком скудости воли и силы» [Там же, с. 332]. Но страх страдания не может и не должен быть критерием истинного, в том числе с «метафизической» точки зрения, где философия строится, противореча себе, на чисто аффективном фундаменте. Надо заметить, что Ницше сам не стремится избежать аффективности в философии. Он критикует два обстоятельства: 1) то, что метафизическая философия не замечает своего аффективного фундамента; 2) раз уж философия аффективна в своем основании, то тогда уж лучше выбирать мужество, а не трусость и страх страданий.

Излишнее доверие метафизики к логике заставляет онтологизировать логические отношения, что приводит к ложным умозаключениям, построенными на возможности в логике утвердительных и отрицательных суждений: если есть А, то можно говорить и о не-А. В результате из существования обусловленного мира страданий и иллюзий делается вывод о существовании безусловного мира счастья и истины. Но это лишь психологически бессильное желание выдать желаемое за действительное.

От страданий жизни философия пытается защититься понятиями, которые сами по себе являются для Ницше мертвыми: «Все, что философы в течение тысячелетий пускали в ход, были мумии понятий; ничто действительное не вышло живым из их рук. Они убивают, они бальзамируют, эти господа-идолопоклонники понятий, когда поклоняются, – они становятся опасными для жизни всего...» [8, с. 568]. Метафизическое извлечение мертвых понятийных «сущностей» Ницше называет своего рода вампиризмом, высасыванием крови из философа, лишаящим его сердца, в то время как философия должна передавать музыку жизни [5, с. 698]. Единственным средством против этой понятийной нежизнеспособности является своеобразная магия крови, впускающая смысл-жизнь из самих глубин экзистенции философа: «Из всего написанного люблю я только то, что пишется своей кровью. Пиши кровью – и ты узнаешь, что кровь есть дух» [9, с. 28].

Вообще, главным объектом критики Ницше можно считать идеализм во всех его видах, основанный на мистификации идей и излишней вере в разум. Эта линия критики будет продолжена и в деконструкции под обозначением «логоцентризма», который, как заявляет Деррида, «есть тоже, в своей основе, идеализм. Это матрица идеализма... И демонтаж логоцентризма есть одновременно – *a fortiori* – деконструирование идеализма или спиритуализма во всех их вариантах» [2, с. 61].

Однако, что важно, Ницше не только производит простое переворачивание ценностей, инверсию платонизма, но пытается вообще перекроить природу мышления, переосмыслить сам принцип иерархического образа мысли. Как отмечает Деррида, «у Ницше работа чтения и письма не является однородной и не скачет от *pro* к *contra* без определенной стратегии» [3, № 2, с. 133]. С этой целью критике и разоблачению подвергается *ресентимент*, дух мщения, которым охвачено метафизическое мышление, базирующееся на оппозициях. Обида на страдания, временность, преходящность, смерть – вот что является двигателем метафизических построений. Переворачивание платонизма означало бы сохранение ресентимента, только с обратным знаком, но сила жизни и воли к власти стоит выше каких-либо обид и слабостей. Поэтому Ницше ищет способы выражения воли к власти, становления по ту сторону каких-либо систем ценностей.

В-пятых, Ницше упрекает метафизику за недостаточное внимание к теме рока и необходимости. Учитывая, что метафизика всегда интересовалась тем, что существует по необходимости, требуется уточнить, что понимал Ницше под этими понятиями. В «Антихристе» Ницше говорит о себе, что он фаталист в том смысле, что его «фатумом было: полнота, напряжение, накопление сил» [4, с. 633]. Понятие рокового подразумевает у Ницше характер свершения, *событийности*, которой не хватает философии как «фабрике» мысли: «Мы не какие-нибудь мыслящие лягушки, не объективирующие и регистрирующие аппараты с холодно установленными потрохами, – мы должны непрестанно рожать наши мысли из нашей боли и по-матерински придавать им все, что в нас есть: кровь, сердце, огонь, веселость, страсть, муку, совесть, судьбу, рок» [5, с. 495]. Рок – это то, что управляет миром, безличная воля к власти, вечное возвращение, соответственно, то, что противится року в метафизике и религии, выступает как Бог. Аналогично обстоит дело и с понятием необходимости. Делез отмечает: «То, что Ницше называет необходимостью (судьбой), никогда не выступает как упразднение случайности, но – как случайное сочетание граней игральных костей» [1, с. 79]. Необходимость утверждается в случайности, так же как бытие утверждается в становлении. Плохой игрок рассчитывает множественность бросков, выгадывая вероятностный выигрыш. Хороший игрок бросает кости один раз, ставя на выигрыш, для него случайность оказывается тождественной судьбе. Именно о нехватке в метафизике такой необходимости единичного, нехватке событийности и говорит Ницше.

Как мы видим, во всех этих направлениях есть нечто их объединяющее: метафизическое мышление строится по бинарному принципу, объявляя одну из сторон оппозиции основной целью познания, а вторую рассматривая как то, что следует преодолеть: «Основная вера метафизиков есть *вера в противоположность ценностей*» [7, с. 242]. Ницше сталкивается с этой стороной европейской рациональности еще в своей работе

«Рождение трагедии из духа музыки», рассматривая соотношение в европейской культуре дионисийского и аполлонического начал. Стратегия метафизического мышления – подавления той части оппозиции, которую можно обозначить как дионисийское: изменчивое, телесное, иллюзорное, бесцельное и т.д.

Ницше такую метафизическую стратегию связывает с моральными чувствами: «Со времен Платона философия находится под властью морали. Еще у его предшественников в философию решительно вторгаются моральные объяснения... Прогресс философии больше всего задерживался до сих пор скрытыми моральными побуждениями» [6, с. 238]. Поэтому критика метафизики, прежде всего, принимает у него форму критики морали. Философия должна перестать служить неясной метафизической цели оправдания морали.

Главная проблема морали, по Ницше, как раз и состоит в том, что она является «вывеской», призванной оправдать те или иные действия и позиции, источником которых является инстинкт. В этом смысле мораль не принадлежит сфере причин, действующих или же целевых, а является способом легитимации тех или иных действий. Более того, эта легитимация в виде разговора о морали оказывается необходимой, прежде всего, тогда, когда ослабевает непосредственный моральный инстинкт, что диагностируется Ницше как эпоха упадка.

Для преодоления моралистической основы метафизического мышления необходимо отказаться от основы морального суждения – бинарного оценивающего мышления. Орбел высказывает предположение, что ницшевское мышление не разрешает противоречия, а интегрирует их в более высокое целое [10, с. 717]. Однако вряд ли можно с этим согласиться, Ницше вообще избегает каких-либо результирующих, «высших» утверждающих синтезов. Скорее, это устранение дихотомии идет по двум направлениям: 1) создание переменчивых множественных перспектив через перебивку акцентов; 2) генеалогическое исследование процессов, которые стоят за тем или иным морально-дихотомическим суждением («по ту сторону добра и зла»).

Рассматривая природу ценностей, Ницше говорит о том, что ценности не являются базовой реальностью, это продукт воли к власти, который может либо способствовать ее укреплению, либо быть реактивной силой. Что означает «переоценка ценностей»? Выдвижение новых ценностей на замену старым? Отказ от оценивающего мышления вообще? Перманентное творчество ценностей? Здесь интерпретации Ницше расходятся по разным тропинкам, при этом ни одна из них не может рассматриваться в качестве определяющей, «единственно истинной». Сам Ницше позволяет себе своего рода оценку, когда говорит: «Что хорошо? – Все, что повышает в человеке чувство власти, волю к власти, самую власть» [4, с. 633] и т.д. Можно ли сказать, что он тем самым возвращается к метафизическому мышлению? Но можно ли вообще высказать что-либо в рамках дискурса без подобной оценочности? Подобная «оценка» для Ницше не «высшая» позиция, а, скорее, «точка опоры» для осуществления трансформации, в другой момент он может легко отказаться от нее, перепрыгнув на другую «точку отталкивания».

Черта, присущая метафизической философии, которая критикуется Ницше, – это догматизм: философ-метафизик «знает, что такое истина, что такое Бог, что такое цель, что такое путь...» [6, с. 262]. В этом он ближе жрецу, считая нападение на себя нападением на мораль, добродетель, религию и порядок. Поэтому сам Ницше только по видимости занимает позицию пророка, разрушающего прежние иллюзии и являющегося провозвестником истины, это всегда оказывается для него очередной маской, дискурсивной инстанцией, а вовсе не рупором конечной истины.

Общим для всех направлений критики метафизики у Ницше оказывается то, что все вековые претензии метафизической философии разоблачаются как содержащие *contradiction in adjecto*: стремление к истине оказывается погоней за иллюзией, стремление к логической достоверности – основанным на иррациональной вере, моральный пафос – завесой для инстинктивных устремлений. Можно сказать, что главный упрек Ницше к метафизической философии – это упрек в лицемерии, поэтому, говоря о «свободе духа» в философии, Ницше предъявляет к ней главное требование: «в сто раз превосходить философов и других учеников “истины” в строгости к самому себе, в честности и мужественности, в безусловной воле говорить “нет” там, где это “нет” опасно» [Там же, с. 272].

Однако все эти содержательные по сути претензии к метафизике, которые можно вычитать у Ницше, не составляют главного ядра его постметафизичности. Ведь если мы зададим вопрос: вышел ли Ницше за пределы метафизики, то антиметафизические тезисы его философии могут рассматриваться как такая же догматическая позиция, лишь переворачивающая какие-то положения классической философии, но вовсе нерывающаяся с метафизическим мышлением.

Несмотря на всю критику Ницше, по сути, именно с фигурой философа он связывает появление сверхчеловека будущего. Для него не безразлично, что философами называют и тех, кто не соответствует его высоким стандартам: «Я должен создать идеал философа, наиболее трудный для достижения». Но тем самым Ницше одновременно заявляет, что путь философии не исчерпал себя, именно он является для него преимущественным путем сверхчеловека.

Философская программа Ницше складывается как стратегия преодоления недостатков метафизической мысли, поэтому ее можно обозначить как неметафизическую или антиметафизическую. Если метафизическая философия строится на утверждении под влиянием моральных чувств представлений о должном, идеальном мире, то Ницше противопоставляет ей нигилистическую эстетику *упадка*: не избегая иллюзорности, страдания, изменчивости и т.д., черпать силу в принятии мира таким, какой он есть. Философ из конструктора должного и апологета наличного превращается в разрушителя.

Действие этого разрушителя состоит не только в разрушении прежних ценностей и создании новых. Критика прежних ценностей заключается отныне не в их отбрасывании, поскольку при этом мы несколько не избавляемся от их власти, но в разборе их действия: «Я, – пишет Ницше, – со своей стороны, напротив, стремлюсь показать, какие инстинкты действовали за кулисами у всех этих *чистых* теоретиков, как они все,

под влиянием своих инстинктов, роковым образом тяготея к чему-то, что *для них* было “истиной”, для них, и *только* для них» [Там же, с. 243]. Такого рода мышление, представленное в философиях Фрейда, Ницше и Маркса, Фуко свяжет с особенными техниками интерпретации, когда «мы, как интерпретаторы, с помощью этих техник стали интерпретировать себя самих» [11, с. 50].

Подобную стратегию философского мышления сам Ницше назвал генеалогией. Смысл феномена зависит от тех сил, которые оказываются активными и действенными в данный момент. Эти силы могут меняться, действовать *под маской* других сил, приводить в действие еще какие-либо механизмы – таким образом, интерпретация смысла оказывается распутыванием клубка сил, то есть генеалогией. Философия Ницше – это не только философия разоблачения, Ницше также старается проследить пути действия сил, «искусство интерпретации должно быть также искусством проникновения сквозь маску и раскрытия того, кто и почему маскируется, и понимания – с какой целью, видоизменяя маску, ее все же сохраняют» [1, с. 41].

Это означает необходимость критики самого языка метафизики, «подсовывающей» везде бытие и разум. Язык вводит разделение на делателя и делание, оценивает «я» как субстанцию и онтологизирует ее. Поскольку категории разума не могут быть почерпнуты из эмпирии, философия делает вывод о мире идей или трансцендентальном разуме как их источнике. Философия веками не может выйти из порочного круга тождества бытия и мышления, источником которого является, по Ницше, доверие к языку. «“Разум” в языке – о, что это за старый обманщик! Я боюсь, что мы не освободимся от Бога, потому что еще верим в грамматику...» [6, с. 571], – заявляет Ницше.

Вместо отождествления морального и истинного, присущего метафизике, ориентированной на «научный» идеал, необходимо встать *по ту сторону морали*, то есть постараться судить без моральных предрассудков. В связи с этим Ницше переосмысляет задачу философии. Это не научное объяснение мира, стремящееся зафиксировать в «объективных» законах постоянство сущего, а «толкование», осмысливание, сохраняющее текучесть мира становления. Философ предстает как интерпретатор и толкователь мира, и это «толкование посредством дела, а не только преобразование понятий» [Там же, с. 340]. Подобная «бесконечная толкуемость» вовсе не подразумевает исторической относительности толкования, делающей его неопределенным и бессмысленным. Философия не растворяется в ничего не значащем толковании, напротив, интерпретативный перспективизм возвращает философию к ее *собственному делу* – творению смысла.

Философы XX века, уделявшие большое внимание философии Ницше, такие как Ж. Батай, Ж. Делез, Ж. Деррида и др., попытались сохранить сам дух ницшеанского прочтения, стремясь показать в самой философии Ницше множественность и переплетенность различных противодействующих сил и развивая философию как выявление многомерности перспектив и внимание к языку философствования.

Таким образом, ницшеанская критика метафизики – это не опровержение тех или иных позиций традиционной философии, а новое спектральное, многомерное видение ее проблем и целей. Критика метафизики у Ницше развивает проект осознания подвижности и процессуальности структур мышления. В этом смысле она заново переоткрывает философскую современность, ведь здесь перед нами – отсутствие конца, бесконечный проект философии, требующий постоянного самообновления языка, на котором говорит мысль.

Список литературы

1. Делёз Ж. Ницше и философия. М.: Ad Marginem, 2003. 392 с.
2. Деррида Ж. Позиции. М.: Академический проект, 2007. 160 с.
3. Деррида Ж. Шпоры: стили Ницше // Философские науки. 1991. № 2. С. 118-142; № 3. С. 114-129.
4. Ницше Ф. Антихрист // Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 631-692.
5. Ницше Ф. Веселая наука // Там же. Т. 1. С. 491-719.
6. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005. 880 с.
7. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 238-406.
8. Ницше Ф. Сумерки идолов // Там же. С. 556-630.
9. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: книга для всех и ни для кого // Там же. С. 5-237.
10. Орбел Н. Эссе Liber: опыт ницшеанской апологии // Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005. С. 571-734.
11. Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс // Кентавр. 1994. № 2. С. 48-56.

FRIEDRICH NIETZSCHE AND METAPHYSICS OVERCOMING PROBLEM

Svetlana Mikhailovna Malkina, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
 Department of Theoretical and Social Philosophy
 Research and Development Saratov State University named after N. G. Chernyshevskii
 MalkinaSM@rambler.ru

The author discusses one of the central problems of Nietzsche's creative works – his project of metaphysics overcoming, specifies criticism directions and also reveals new ways of thinking strategies including the characteristic features of philosophical writing new style.

Key words and phrases: metaphysics overcoming; Nietzsche; post-metaphysical thinking; reappraisal of values; philosophical style.